

Шмырёв Максим. Хранитель павших флагов. — М.: Тютенбург, 2023. — 194 с.

КНИГА Максима Шмырёва "Хранитель павших флагов" — прежде всего книга очень личная. Цепь лирических фрагментов, переживаний, наблюдений, снов плетёт причудливый узор на окне, внятный прежде всего самому автору. Что вовсе не означает, впрочем, довлеющего солипсизма. Да, это личный дневник, дневник души, со своей многоугольной логикой, но открытый, приглашающий к сопричастию и под-разумеваящий диалог (правда, тоже особый, о чём скажем ниже).

Второе — это очень поэтичная книга. По сути, перед нами поэтические фрагменты, осколки, а то и просто стихотворения в прозе, воспоминания и опять же сны.

Ну а чтобы сразу помочь определиться читателю, на что похоже, скажу, что, наверное, на "Опавшие листья" Василия Розанова. Вот так, в двух словах. Причём, как мне показалось, совершенно намеренно. Автор искал форму, чтобы собрать свой собственный "короб первый", и счастливо нашёл её в авторе, на него похожем — таком же воинствующем консерваторе, философе повседневного, способном выхлестать взглядом мелочь, но так, чтобы показать её настоящее, присущее ей (и часто совсем не мелочное) место в Божьем мире.

Ибо главное, что надо сказать об этой книге, — перед нами, несмотря на кажущуюся фрагментарность, целостный космос, в котором явлены все необходимые категории и элементы: горизонты, стороны света, иерархии, вертикали, вершины, бездны, пронизывающий всё это свет и, конечно, время... Книга вообще наполнена не столько пространством (которое крошится, развоплощается, тает), сколько временем. Но временем тоже особым. Оно тоже как будто крошится и сыплется по границам мира, свет играет на его осыпающихся блестях, и эту игру фиксирует глаз философа: "Время покидает тесные коробки часов, раскручиваясь, как пружина, в насыщенных сюжетах сновидений, отмеряя секунды шагами одиноких пешеходов, скользя в размытых очертаниях домов и автомобилей..." Само время здесь — лишь "маскировка вечности"...

У меня вообще сложилось ощущение, что делом своей жизни Максим Шмырёв избрал именно это — фиксировать распадающиеся элементы Божьего мира, покауда они окончательно не исчезли. Потому что перед нами, конечно, мир исчезающий, мир конца, мир эсхатологический.



# СВЯЩЕННЫЕ ИСТОРИИ

Изначальный божественный порядок космоса не просто нарушен и даже не просто находится в состоянии распада и катастрофы, он, я бы сказал, схвачен в момент апокалипсического взрыва. Только самого взрыва здесь нет. Автор наблюдает его отрешённо, как римский стоик, как некий Марк Аврелий, который смотрит на крушение империи с высоты, скажем, Эскивилина, стремясь запечатлеть фрагменты, может быть, и не столь значительные, но по эйдосам которых через сто, двести, триста или три тысячи лет можно было бы империю воссоздать. Этот рязанский домик, это "бабино зелёное пальто с дыркой в кармане, через которую выпал и куда-то закатился Советский Союз", эта старая ёлочная игрушка, которую по прощенью тысяч лет Творец мог бы взять и повесить на свою вечную Новоиерусалимскую ёлку, где такими же ёлочными игрушками висят все империи, давным-давно превратившиеся здесь в пепел, белый снег, белую золу...

Может быть, все эти наблюдения вообще — для одного только Господа Бога? Может быть, с Ним Одним этот диалог? "Это священная история. Она есть у каждого" — справедливо. А можно сказать и так: эти вновь опавшие листья — философствование о самом незначительном, том, мимо чего девяносто девять из ста пройдут, не заметив. Вместе с тем именно из незначительного ткёт время ковёр бытия. Чтобы, собрав горстку этих фрагментов, пробежав по ним, незаметно для себя вдруг осознать, что оказался во вновь сотворённой вселенной: "И всё это — сосны, книги, солнце и август, а ещё звёзды, целые россыпи звёзд — всё казалось указателями, приметами, рассыпанными камушками, отмечавшими долгий путь, чья длительность есть только маскировка вечности"...

НУ, ХВАТИТ ТЕОРИИ, древо жизни зеленеет в листьях, и сейчас нам это придётся доказывать:

"Свет падает на книги: "Французскую средневековую лирику", маленький красный томик Готфрида Бенна, сползает вниз — к "Морю исчезающих времён" Маркса. Как это бывает утром, меня охватывает чувство прибывающего времени — медленно-медленно, ведь вечером оно убывает, шумно проваливается в таинственный тёмный провал, который открывается, когда стрелки смыкаются на двенадцати. Мне кажется, что вечер задаёт другой темп письма: быстрее, шумнее, будто бы слова кружатся в этом исчезающем времени. Утром

же слова медленны, они протягиваются вдоль солнечного луча, почти сливаясь с ним, — прозрачные и тихие, они почти невесомы, в них совсем мало времени. И пока на улицах проезжают первые поливальные машины и ещё не прозвенели звонки будильников, меня охватывает чувство печали по неизъяснимой изначальной полноте — будто время скрывает своими ветками-стрелками вечность".

Согласитесь, я так прав. Или: "Остров погибших кораблей... все они идут ко дну, забываемые, теряющие черты, сливающиеся с глубиной темнотой. С ними, связанными нитями, которых в реальности не придумаешь, иду и я. Мы движемся к острову по ту сторону света..."

Или: "Первые жёлтые листья летят вниз — как солдаты, погибшие в первые дни Великой войны, под рокот августовских пушек, ещё не знавшие грязи и сырости окопов, не увидевшие финала... в парадной форме, золоте и синеве, — лучшая жатва Бога, его струящееся воздушное зерно..."

Поэзия часто начинается с метафоры, открытия удивительной связи между людьми, предметами, всем сущим. Ты зачарован, ты ощущаешь этот пронизывающий всё ток жизни, энергию творения: и вот — закаты облака движутся подобно слонам, капель звенит слезами сироток, а листопад... О, листопад переливается всеми цветами, вбирает в себя облака и звёзды, из него можно сделать всё что угодно — целый мир из листопада!"

И вот ещё: "Только перечитанные, затёртые книжки имеют ценность, только многократно пережитое откладывается в сердце. Перечитывание — это долгая семейная жизнь, над которой не властны годы, это любовь, не знающая перемен. Это верность, сродни рыцарской, оставленная нам в буйстве мира сего..."

Эти затёртые книжки — как старые знамёна, манифестации чувств, откровений, мгновений или даже просто — усталости: нескончаемых обзоров бесконечной войны. "Полковнику никто не пишет"? Да. И "На западном фронте без перемен", и "В стальных грозах", и "Путешествие на край ночи", конечно, тоже.

Остающееся, остаивающееся время. Боевые горы, залитые дождем, запорошённые снегом. И лишь может быть ещё там, вдалеке дудочка и барабан армии генерала Ли, всё ещё боевитые, живые, не сломленные, идущие в свой последний поход:

"Итоги "всеобщей грамотности": две мировые войны, проведённые с невиданным энтузиазмом. Миллионы погибших. Революции, уничтожение империй, построение механических цивилизаций-големов. Избавное тепло вложено в двигатели ракет, расточено в космической пустоте. „Летали, Бога не видели"... Буратино, не продавая свою азбуку. Сожи её: отрок книжную клетку, выпусти буквы на свободу. Узри, как вдали поднимаются знамёна Неда Лудда".

Да, и великолепный экстремизм Теда Качинского, сжигающего эту цивилизацию дотла ради спасения из неё человека! Но всё так же падают листья, падают яблоки, распадается пространство, тает серой дымкой время, исчезает мир... Остаётся не столько мысль, сколько запах, ощущение присутствия... и эти то ли удаляющиеся, то ли вновь приближающиеся дудочки и барабан — знамёна войны сквозят всё, какие ни есть, пространство и время...

Странные стихи, где "концовками рифм служат блуждающие огоньки", странные сны и не менее странная реальность, населённая детьми, стариками, колченогими игрушками, щелкунчиками, книжными шкапами, старушками-гардеробщицами, разнообразными рыбами, сумасшедшими, потерянными, заблудившимися вещами и потусторонними существами, порою внушающими лавкрафтианский ужас...

Мир, наполненный детством, юностью, старостью (и их звуками, запахами и цветами). Единственное, чего здесь нет, — хлопотливой зрелости с её жизненной логикой и здравым смыслом. И понятно почему: этого казавшегося таким основательным и осмысленным здравого смысла уже не осталось. Остался только его обгоревший остова да далёкие забытые полустанки заоблачных областей, небо города над погасшими небоскрёбами, на которое он никогда в свете своей так и не посмотрел...

Все эти "места на окраинах реальности", поэтики по мёрзлым тропинкам, ветер "от начала до устья времён", первичная бездна из начала Творения, похожая на "кусоч холста — исходную точку или конечную станцию всех картин"...

ОДНАКО ЖЕ, при всей эфемерной снеди-каждого плоти, центральное ядро этого мира довольно увесисто и предельно конкретно. Вот он, настоящий центр книги, — очерк "Наш 93-й. Заметки об обороне Белого дома". На мой взгляд, лучше, что сказано об этом месте и времени. Во всяком случае, что непременно останется в вечности как "фото-факт", моментальный срез, осмысление мно-

вения. То, что проясняет многоугольную логику книги. Именно сюда сходятся (или, вернее сказать, отсюда расходятся во все стороны света) её многочисленные павшие флаги:

"Мы живём в эпоху павших флагов. Имперский флаг пал в 1917-м, триколор... — дважды. Красный грустно спустился в 1991 году. Этих флагов было так много, они были так разнообразны, что для каждого дома, для каждой улицы нашёлся бы свой флаг. Но флагов не видно, стоят печальные дома, овеваемые жёлтыми листьями"... Однако флаги над Белым домом 1993-го — всё-таки есть. Это ткань самая что ни на есть живая: бьющееся сердце, его ритм, единственный возможный, о котором когда-то всё уже сказал Томас Стернз Элиот:

...В спокойной точке вращения мира.  
Ни сюда, ни отсюда,  
Ни плоть, ни бесплотность:  
...в спокойной точке ритм,  
Но не задержка и не дыхание.  
И не зови остановкой  
Место встречи прошлого с будущим.  
Не движенье

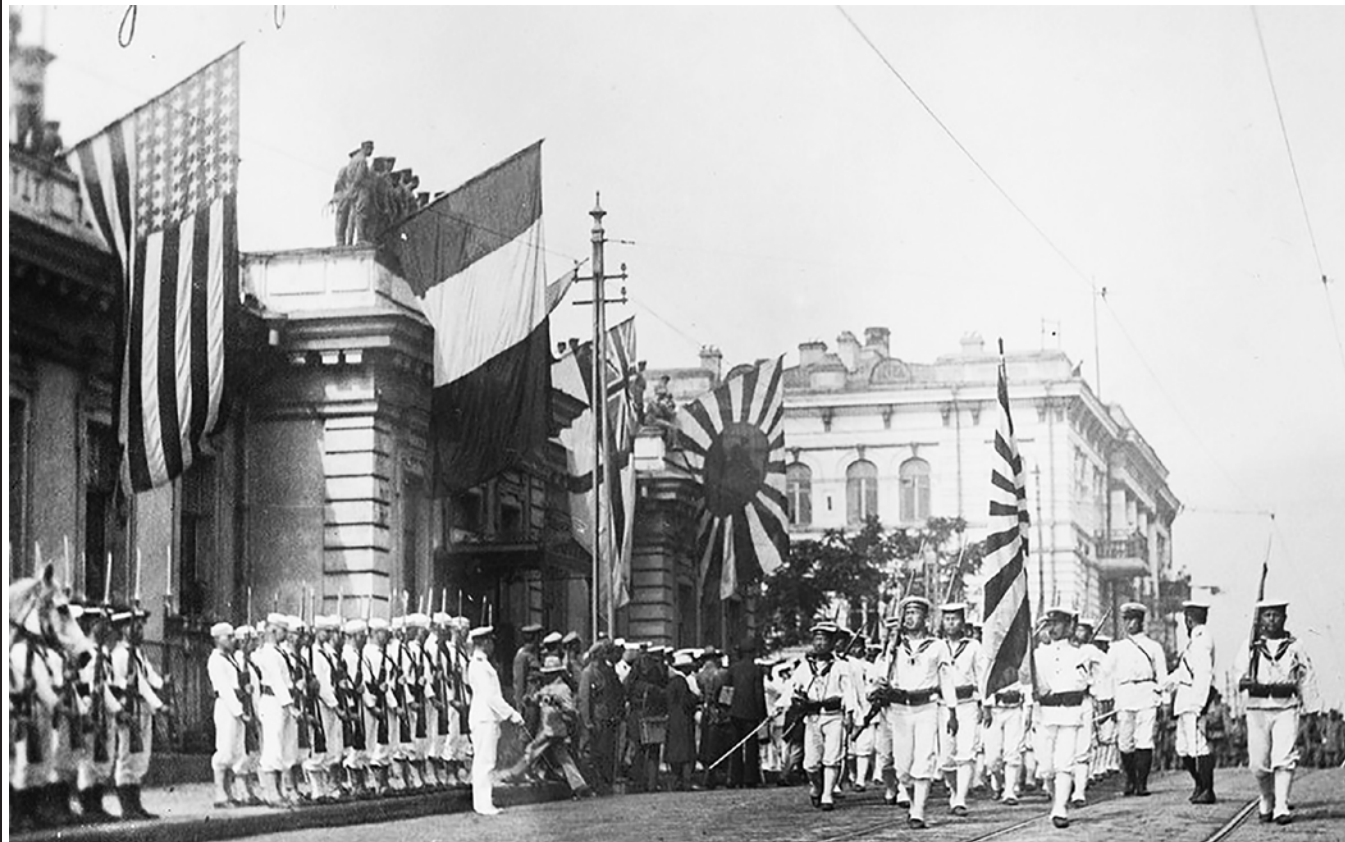
сюда и отсюда,  
Не подъём и не спуск.  
Кроме точки, спокойной  
Точки,  
Нигде нет ритма, лишь в ней — ритм.  
Я знаю, что где-то мы были,  
но, где мы были, не знаю,  
И не знаю, как долго:  
во времени точек нет...

"Белый дом 1993 года — это не только воспоминание, это точка отсчёта, ритм, стихотворение. Мне всё меньше хочется связывать его с политической и всё больше — расценивать как экзистенциальный опыт, событие, которому судно переорождение и возвращение, в неведомой ныне форме. Наш девяносто третий год где-то в глубине, мерцает, светится, остаётся с нами, перемещаясь во времени и пространстве. Он забрал с собой многое в нас, он готов поделиться многим — мы всегда можем присесть к его кострам и услышать, как над головой шумит и развевается знамя"...

Именно так. "Это священная история. Она есть у каждого". Или так:

"...Проходит столетие, другое, и кто-то находит стихотворение, открывает страницу с ним, — бывает, что он находит сухую бабочку, лёгкую паутинку или рисунок птички, выполненный пастелью, но иногда — порой — он вытаскивает из глубины выдержанное вино, слова, впитавшие в себя все шорохи часовых стрелок, все переливы столетней светотени — чудесное и неизменное. А тысячелетнее стихотворение похоже на горячий камень в руке".

Владимир МОЖЕГОВ



# ЯЩИК ПАНДОРЫ

Гакгуев Р.Г. Репников А.В. Великий и страшный 1918 год. Иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России. — М.: Язза, 2022. — 400 с.: ил.



ВЫШЕДШИЙ альбом является логическим продолжением прошлой книги авторов "Великая революция 1917 года". Хронологически вторая часть начинается с осени 1917 года — времени начала "не календарного", но настоящего нового политического года, когда произошли бесспорное крушение Временного правительства и приход к власти большевиков и их союзников. Авторам альбома важно было показать, что Гражданская война, в которую оказалась втянута страна, не началась сразу после смены власти, и причины её следует искать гораздо глубже действий отдельных личностей или политических партий. Многие зёрна трагических событий "великого и страшного", по словам М.А. Булгакова, 1918

года были посеяны ещё в февральско-мартовские дни 1917 года, поэтому два альбома образуют своеобразную дилогию. Что касается 1918 года, то ситуация тогда складывалась для большевиков неоднозначно, и были периоды, когда власть Совнаркома держалась на волоске. Но и последующие годы не менее драматичны. Надеемся, что авторы в перспективе смогут продолжить свою иллюстрированную хронику 1919–1922 годами.

Альбом представляет собой галерею (в том числе портретную) различных политических, военных и общественных деятелей, через судьбы которых авторы пытаются показать 1918 год. Позитивным является то, что для авторов было крайне важно насытить альбом фотографиями и рисунками, чтобы показать жизнь людей. В гораздо меньшей степени в издании представлены писатели, поэты, художники, театральные деятели и прочие. Если серия альбомов будет продолжена, то хотелось бы, чтобы авторы уделили им место хотя бы и за счёт увеличения объёма издания.

Также альбом содержит большое количество карикатур, которые никогда не переиздавались. По сути, авторы впер-

вые подняли, отобрали, прокомментировали и "перенесли" через столетие в наши дни уникальный пласт иллюстрированных изданий 1917–1918 годов.

Альбом поделён на месяцы, в каждом из них выделены знаковые события. В текстах книги уделяется внимание фронту и тылу, боевым действиям и политико-экономическим, социальным и прочим изменениям. С одной стороны, показаны наиболее важные события на фронтах Гражданской войны, с другой — то, что происходило в регионах, занятых большевиками и их антагонистами. Отметим, что очернены и события на тех территориях, которые после распада Российской империи стали независимыми государствами. Многие из проблем (русификация и сепаратизм, грабительские притязания недавних союзников России в ходе интервенции, раздувание национализма окраин и прочие) выглядят и сейчас весьма злободневными.

Карина КАЛЕНДАРЁВА

На фото: 1918 год, японские оккупанты идут парадом по улицам Владивостока

# ОТМЕНА ЗАПАДА

Вадим Климов. Украинский дневник. Война с западным гегемонией. Год первый : серия extremum. — М.: Опустошитель, 2023. — 224 с.



ЧТО БЫ ни происходило, Украина ни теряет суверенитет и субъектность, а её население ни превращалось в пехотное мясо и убогих попрошайек — эта публика так и будет винить во всём Путина. Это он, а не Запад коррумпировал Украину, наводил её деструктивными специалистами, насытил натовским вооружением и натаскал ВСУ, СБУ и ЦПГСО. Возможно, подобный интеллектуальный дауншифтинг и есть настоящая свобода. Разум невыносим, он постоянно ставит перед индивидом недостижимые цели. И только отказавшись от мук мышления, от изматывающих, обескровливающих действий, мы наконец сможем перейти в состояние свободы. Это почти смерть, но всё ещё живая. Самые свободные люди живут сейчас на Украине".

Вадим Климов — математик, писатель-абсурдист, издатель-бретёр. Редактор колоритно-скандального журнала и издательского проекта "Опустошитель", обретшего культовый статус. "Опустошитель" не боится манифестов, сочетания несочетаемого и новой работы с известными темами и идеями. Луи-Фердинанд Селин, Сэмюэл Беккет, Жан Жене, которыми, казалось, публика уже "насытилась" в конце 90-х — начале 2000-х, благодаря настойчивости "Опустошителя" снова вернулись в большую литературную игру. От Климова подвздоха не ожидаешь, потому что подвоха для него — слишком мелко, он играет по крупному.

Поэтому можно легко сказать, что "Украинский дневник" есть продолжение стратегий "Опустошителя", пусть часть аудитории до сих пор воспринимает позицию Климова как затянувшийся эпатаж. По самоопределению, книги "Опустошителя" — это выстрелы в упор. "Украинский дневник" если и не выстрел, то удар по зубам тем, кто готов следовать эстетической линии "Опустошителя", но полностью исключает все остальные. А ведь ориентиры на либеральный идеологический мейнстрим (и примкнувшее к нему левачество), несмотря на оппозиционную позу, и есть сегодня глобальный гиперконформизм.

"Украинский дневник" — одна из самых интересных работ с разнообразными контекстами СВО: политическим, культурным, историософским. Это отчаянное и умное деконструирование либерального дискурса. Ко-нец Европы, деколонизация России, тотальная манипуляция социологии, проект "Украина" как истеричный активизм меньшинств, выведенный на запретный уровень, ложь "гражданского общества", упреждение политического в пользу экономического — финансового капитала и ТНК.

В осмыслении СВО Климов предлагает третий путь между евразийской эсхатологией и национал-патриотической редукцией: Россия, как всегда в истории, обеспечивает безопасность, отодвигая свои западные границы. СВО как этап истории, который в значительной степени определяет русское и мировое настоящее и будущее.

КЛИМОВ СМОТРИТ на вещи сознательно сложно, избегая опасности упрощения, которое приводит к "просвещённому мешаству" — а как ещё обозначить позицию иных радикалов, весь пар которых ушёл в глобалистский свисток.

Территория Климова — это территория интеллектуальных битв. Проблема в том, что многие деятели, гордо "выключившие российский телевизор", фактически воспроизводят дискурс глобалистских СМИ. Как говорится в модном сериале, "мой брат научил меня не обращать внимания на всё, что говорят до слова "но". Значительная часть интеллектуалов вещает именно то, чем стоит пренебречь. Правда, нельзя сказать, что это уникальная ситуация. Помнится, в августе 2008 года левый философ грузинского происхождения опубликовал пост, в котором было очень много истории, словесной эквилибристики, но всё сводилось к тому, что Осетия с Абхазией — неотъемлемые части Грузии, а Грузию надлежит быть в НАТО. Как говорится, стоило ли породить интеллектуальный огород ради такого вывода? И все заметные аргументы "нетвойнистов" — будто мы живём году эдак в 2008-м, Владимир Путин пошёл на третий срок и под это решил устроить "маленькую и победоносную". Оказалось, что многие до сих пор обитают в "конце истории" Франсиса Фукуямы, "покой" которого нарушили какие-то странные народы и люди. И весь комплекс глобальных противоречий, начиная с мирового финансового кризиса и геополитики и заканчивая шумным шествием пост-человека, в упор не замечается. Это

даже не ставший хрестоматийным "антидурин", а просто тотальная слепота. И, замечая эсэзовскую соринку в патриотическом глазу, — категорически не видят майданного бревна в своём. А ведь их предупреждали десятилетия назад.

ФОРМАТ ДНЕВНИКА позволяет Климову затронуть множество параллельных историй. На страницах вылетают знаковые для "опустошителей" имена писателей, режиссёров, музыкантов — от Уильяма Берроуза до Ларса фон Триера. И это отчасти неожиданное соседство с заявленной темой совсем не раздражает, наоборот, добавляет дополнительный объём.

Бывает, что рецензия органичнее книги. С Климовым этот номер не пройдёт. Слишком много схвачено, отмечено, зафиксировано. Основная проблема отклика — обилие классных афористичных формул и мыслей, которые пересказывать глупо, и если увлечённо приводить, то они способны заместить весь текст. Так что могу только рекомендовать читать и перечитывать "Украинский дневник".

"Случившееся после 24 февраля 2022 года можно считать принуждением к здравому смыслу. Всё, о чем грезил либералы последние десятилетия, можно забыть. Оказывается, национальность и гражданство — не устаревшие понятия, они как никогда актуальны. Более того, национальным окрашивается широкий спектр явлений — от культуры до финансов. Причём вспомнили об этом сами либералы. Это одно из самых блистательных саморазоблачений Запада в его финальном пике. В обиход снова входит архаика вроде "территорий", "ресурсов", "народов". Под её аккомпанемент испаряется борьба с иммунитетом (COVID-19), гендерные исследования, права человека и прочая манипулятивная чепуха. Культура отныне отменяется русской культурой, которая не только тошнёт и содержательнее западных реликтов, но и витальнее. Она не нуждается в вакцинации и средствах индивидуальной защиты, в отличие от современных вялых выродков. Вы хотели отменить Русский Мир, а вместо этого он отменил вас со всей вашей либеральной бутаторией. Следующий мир, который наступит после "дивного нового мира", будет совсем не таким, как вам представлялось. Западу наконец вернут его истинное значение — стороны света. И только. Встретимся в будущем".

Даниил ТОРОПОВ

Владимир Кутырёв. Чело-век технологий, цивилизация фальшизма. — СПб.: Алетейя, 2022. — 288 с.

Алексей Тарасов. Мета-морфозы. Новая история философии. — СПб.: Алетейя, 2023. — 464 с.

С НЕБОЛЬШОЙ разницей во времени вышла последняя книга нижегородского философа Владимира Александровича Кутырёва (1943 — 2022) и книга его ученика, Алексея Тарасова (1981 г.р.), в значительной части посвящённая творчеству и личности учителя.

Владимир Кутырёв — довольно примечательное явление в российской философии. Когда в 2016 году судьба забросила меня на три года в Нижегородскую область, Кутырёв был самым известным и интересным нижегородским философом — естественным образом получилось, что я много общался с ним, и с его учениками. Он не занимался разгадыванием логико-лингвистических "головоломок", не увлекался плетением кружев систематической филосо-



# О САМОСОХРАНЕНИИ

фии. У него была конкретная цель, а именно: борьба с главной угрозой человечеству — бесконтрольным развитием науки и техники, фетишизацией технологий. Бесспорно, он был одиозным в том смысле, в котором отец Сергий Булгаков отзывался о Льве Шестове: "Ему не свойственна динамика мысли, влекущая к новым ориентировакам. Его мыслительные установки определялись уже в ранних его сочинениях и представляют собой ряд попыток выразить по-новому одну основную тему... Отсюда и такое множество самоповторений". Однако, несмотря на эти бесконечные самоповторения, читать Кутырёва (как и Шестова) довольно интересно. Во-первых, философия Кутырёва в принципе проста и понятна любому читателю, не только философу-специалисту. Это защита человеческого естества, социаль-ной и биологической природы homo sapiens, от всевозможных разрушительных технологических инноваций. Эту позицию он называл "антропоконсерватизмом". Основным врагом для Кутырёва является трансгуманизм, "новационизм", порабощение человека современными технологиями (и самими опасными из них, известными под аббревиатурой НБИК — нано-, био-, информационные и когнитивные техно-

логии). Надо признать, что это хорошо различимый враг, хотя и довольно многоликий. Во-вторых, как определяет сам Кутырёв свой стиль, это жизненно-практическое философствование, или практико-прикладная философия, когда более половины объёма текста можно отнести к публицистическому жанру (это в основном примеры негативного влияния современных технологий). Философские комментарии обрамлены остроактуальными новостными контекстами. В будущем эти сиоинутые приметы времени могут устареть и даже обязательно устареть, но сейчас они оживляют книги философа.

В такой мировоззренческой перспективе философия, наука и культура распадаются на бинарные оппозиции: один полюс в каждой из которых дружелюбный, а другой враждебный. Интересно, что самые важные из этих оппозиций — Естественного и Искусственного, Культуры и Технологии, Человеческого и Иного, Бытия и Ничто — стали названиями лучших книг Кутырёва.

В этой борьбе нижегородский философ был довольно резок и категоричен. Зная, что Владимир Александрович сам себя называет "провинциалом по убеждению", я как-то упомянул

Циолковского как пример учёного-провинциала, добившегося мировой известности. Сразу стало понятно, что Кутырёв смотрит на Циолковского, на Фёдорова, Вернадского и вообще русских космистов, как на врагов. Для меня мечты Циолковского о превращении людей в густки сияющей энергии — это такой забавный курьёз, повод для иронии, для Кутырёва всё это очень серьёзно — трансгуманистическая ересь, не нужно никаких густков энергии, "ни шагу вперёд!"

В чём, на мой взгляд, слабость философской позиции Кутырёва? Не очень понятна сверхзадача этой борьбы. Просто сохранение нынешнего биологического статуса человеческого вида? На мой прямо заданный вопрос философ отвечал, что человек как биологический вид "не исчерпал своего предназначения", а до этого следующий эволюционный шаг преждевременен и опасен. Но в чём состоит это самое таинственное предназначение homo sapiens? Есть какая-нибудь список из пунктов а), б), с) и так далее, чтобы можно было сказать: вот выполнил эти пункты из списка и тогда всё — можно трансгуманистический рывок делать? Если бы Кутырёв опирался на какую-нибудь религиозную традицию, возможно, он

мог бы предложить такой список или сослаться на некое сакральное предназначение человека, но как атеист советского типа он не мог ничего ответить. Выходило примерно так: мы должны сохранить человека просто из инстинкта самосохранения, чтобы не уступать место грядущему постчеловеческому виду.

КНИГА ТАРАСОВА и по стилю, и по жанру, и по проблематике лежит в русле, пролонгированном Кутырёвым. В центре рассмотрения три довольно неожиданных героя: Беркли, Кондорсе и Мальтус. Все три мыслителя даются в актуальном практическом контексте: "В этой книге история используется в первую очередь для освещения до сих пор резонансных философских вопросов и конфликтов, связанных невидимыми нитями с настоящим в гораздо большей степени, чем мы склонны себе представлять сегодня". Идеи Тарасова об этих трёх мыслителях интересные, но заслуживают отдельного рассмотрения, а многие довольно спорно. В частности, Тарасов утверждает, что "социальности по определению — левые" (с. 356), то есть игнорирует такое мощное и недооценённое направление мысли, как правый социализм (Шпенглер, Вольфганг, Зомбарт и другие).

Пожалуй, на данный момент самое важное в книге Тарасова — это фактически продолжение антропоконсервативного направления мысли, которое (кто знает?) может сложиться в отдельную философскую школу.

Михаил БОЙКО